

Ф. П. СЕРГЕЕВ

ЛЕКСИКА
СФЕРЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

МЕРЫ • ПОДЪЕМЫ • КОНВЕНЦИИ • МИРНОЕ СОУЩЕСТВОВАНИЕ • ДОГОВОР • СОГЛАШЕНИЕ • БРИФИНГ • ПАКТ • КОНТРАКТ • ТРАНАКТ • КОНСЕНСУС
СЕНТЕНЦА • ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРОТОКОЛ • ДОБРЫЕ УСЛУГИ • ВСТРЕЧИ В ВЕРХАХ • БЕЗЪЯДЕРНАЯ ЗОНА

Федор Павлович Сергеев

**ЛЕКСИКА
СФЕРЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

Редактор Р. Д. Довгополова

Обложка художника Я. М. Яковенко

Художественный редактор Н. М. Панасюк

Технический редактор С. Ф. Бархатова

Корректор Н. С. Королева

Операторы Н. П. Костюченко, Л. В. Пономаренко

Информ. бланк № 7962

Подп. в печать 10.11.84. БР 04715. Формат 84X108¹/₃₂. Бумага
офс № 2. Универс гарн. Офс. печать. 6,72 усл. печ. л. 6,93 усл.
кр.-отт. 8,18 уч.-изд. л. Тираж 3043 экз. Изд. № 6300.
Зак. № 4-953. Цена 1 р. 20 к.

Головное издательство издательского объединения „Вища
школа”, 252054, Киев-54, ул. Гоголевская, 7

Напечатано с оригинала-макета, подготовленного в Головном
издательстве издательского объединения „Вища школа”, в
Киевской книжной типографии научной книги, 252004, Киев-4,
ул. Репина, 4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Часть I РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА XI —XVII ВЕКОВ	4
Наименования международного договора	4
Наименования актов ратификации	39
Обозначения понятий „дипломатическая инструкция“, „право вести переговоры“, „дипломатическое поручение“	46
Часть II СОВРЕМЕННАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА В ДОКУМЕНТАХ СФЕРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	68
Из истории термина международного права „мирное сосуществование“	68
Вместо „холодной войны“ — разрядка международной напряженности	77
Обозначения новых понятий сферы международных отношений	88
Образные средства языка в дипломатических документах и статьях	98
Наименования глав государств и правительств	105
Условные обозначения источников	116
Примечания	121
Список литературы	123

Ф. П. СЕРГЕЕВ

ЛЕКСИКА СФЕРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Киев – Одесса
Головное издательство
издательского объединения
„Вища школа”
1984

На основании широкого круга источников — от памятников древнерусской литературы до официальных документов наших дней — в монографии рассмотрены актуальные вопросы дипломатической лексики русского языка. Прослежена эволюция различных наименований международного договора и актификации. Проведено лексикологическое исследование современных понятий „мирное сосуществование“, „разрядка международной напряженности“, „развивающиеся страны“, „режим наибольшего благоприятствования“, „встреча на высшем уровне“ и др. Описаны наименования должностей глав государств и правительств. Освещены образные средства языка сферы международных отношений.

Для лингвистов, историков, юристов и дипломатов.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *М. А. Брицын* (Киевский государственный педагогический институт), доктор филологических наук, профессор *А. Д. Завре* (Черновицкий государственный университет).

Редакция гуманитарной и естественной литературы при
Одесском государственном университете
Зав. редакцией *Л. В. Веремева*

С $\frac{4602000000 - 360}{M\ 211\ (04) - 84}$ 421-84

© Издательское объединение
„Вища школа“, 1984

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография завершает серию опубликованных нами в 1971—1978 гг. монографий „Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв.“, „Русская терминология международного права XI—XVII вв.“ и „Формирование русского дипломатического языка“.

В первой части книги характеристика лексики основана на употреблении ее в дипломатических памятниках Киевской Руси и Русского государства X — начала XVIII вв. Дальнейшая судьба лексики прослежена по данным словарей XVIII—XX вв., фиксирующих или активное употребление ее в течение этих веков, или утрату „дипломатического“ значения и переход в общий словарный фонд, или, наконец, перемещение в разряд устаревшей.

Во второй части работы проанализированы термины современного дипломатического языка, наименования должностей глав государств и правительств (показаны изменения, происшедшие в этих наименованиях в наше время). Рассмотрены и различные средства языка, используемые в разных жанрах дипломатических документов, а также в статьях и речах по вопросам международной жизни.

Исследование лексики сферы международных отношений необходимо для решения ряда общих вопросов исторической лексикологии. Оно позволяет воссоздать более или менее полную картину развития словарного состава литературного языка в преднациональную эпоху и эпоху формирования русского национального языка; установить закономерности формирования терминологических систем в русском языке; определить характер взаимодействия книжно-славянских и народно-разговорных элементов в процессе складывания норм литературного словоупотребления; определить место и роль иноязычных влияний в процессе становления терминологических систем.

В цитатах из летописей и древнерусских грамот XII—XV вв. кирилловская графика заменена современной. Надстрочные буквы внесены в строку и заключены в круглые скобки. Надстрочный знак (титло) сохраняется и не раскрывается. В примерах из „Памятников дипломатических сношений“ и подобных им документов, изданных в XIX в., буква ять заменена на е, а буква ѣ в конце слова опущена.

Часть РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА I XI—XVII ВЕКОВ

НАИМЕНОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА

Международный договор — соглашение между двумя или несколькими государствами относительно их прав и обязанностей в политических, экономических и иных взаимоотношениях — является одним из старейших институтов международного права.

Сложные международные отношения древнерусского государства находили свое выражение в договорах. Сохранились лишь три договора киевских князей с греками (в списках летописей): Олега (912 г.), Игоря (945 г.) и Святослава (971 г.); в источниках имеются сведения и о других договорах с Византией и волжской Болгарией [24, с. 122]. Особенно много международных соглашений заключала Русь с XI в.

По данным памятников русской письменности XI—XVII вв. известны самые разнообразные наименования международных договоров. Одни из них возникли в эпоху Киевского древнерусского государства (X—XI вв.), другие — в эпоху феодальной раздробленности (XII—XIV вв.), третьи — в эпоху формирования и укрепления Русского централизованного государства (конец XIV—XVII вв.). Некоторые наименования договоров от эпохи к эпохе менялись, другие — сохранились.

Среди номенклатуры договоров имеются как собственно русские, так и заимствованные. Это — *съвещание, ряд (поряд, обряд, уряд), правда, докончание, договор, приговор, мирное постановление, трактат, пакт, соглашение и др.* В договорах Киевской Руси и Византии понятие *международное соглашение* и смежные с ним передавали слова *съвещание, написание, равньо, харатия* и отчасти *пинехроса*.

Съвещание (совещание). Как обозначение международного соглашения это слово употребляется в договорах 912, 945 и 971 гг.: *Равно другаго свещания бывша(г) при те(х) же црѣхъ Лва и Александра (Л по Р, 912, 32; 945, 46; 971, 72)¹; И таковое написание дахом цр(с)тва ваше(г) на утверждение обоему пребывати. таковому совещанию. на утверждение и на извещение межи вами бывающа(г) мира (Л по Р, 912, 37); Мы же съвещаньемъ (В Ип — свещание) все написахомъ на двою харатью и едина харатья есть у цр(с)тва нашего... (Л, 945, 51—52); Азь Стославъ князь руский яко же кляхся и утвержаю на свещанье семь роту*

свою (Л, 971, 72); Яко же кляхъся ко ѿрмъ гречьскимъ и со мною боляре и Русь вся да схранимъ правая съвещанья (Л, 971, 73).

До исследования Н. Лавровского господствовало общеизвестное объяснение *съвещания* как 'словесного соглашения, совещания': „Равно другаго съвещания“ — на основании предварительного соглашения [32, с. 40]². Н. Лавровский же полагает, что *съвещание* — это 'договорная грамота', перевод греческого *συμβολαιον*: в византийских памятниках, совпадающих по времени сложения с анализируемыми договорами, имеется слово *συμβολαιον*, также почти буквально соответствующее нашему *съвещанию* и также имеющее свое особенное, официальное значение [32, с. 43—49; 49, с. 112]. „Равно другаго съвещания“ может иметь единственно следующий смысл: список (или даже подлинник) с другой договорной грамоты“ [32, с. 62]. В „схраним правая съвещания“ *съвещание*, вероятно, есть самый список или автограф грамоты [32, с. 114]. В значении 'договор, договорная грамота' слово *съвещание* понимают И. И. Срезневский (Материалы Срезневского, т. 3, 683)³, С. П. Обнорский [49, с. 112] и др. Необходимо заметить, что материалы словарей (Др.-греч.-русского, Дюканжа и Лексикона Поликарпова) показывают, что значение 'договор, соглашение' имели слова *συμβολαιον*, *συμβασις*, *συμβολη*, *συμβολον*, *συμβολαιος* ('связанный с договорами'), *ομολογημα*, *ομολογια*; значение 'совещание' в них не отмечается. Оно заключено в словах *συμβουλη*, *συμβολιον* ('совещание, совместное обсуждение', а также 'совет, наставление'). На основании этого можно предположить, что перевод с греческого сделан неточно. По логике вещей одно из указанных греческих слов, имевших значение 'договор, соглашение' и, по-видимому, стоявших в греческом экземпляре, должно быть переведено или словом *съглашение*, или однокорневыми словами *рядь*, *урядь*, *порядь*, *обрядь*, или *правьда* и т. п. Но в древнеруском языке слово *съглашение* в XI в. еще не имело значения 'договор, соглашение'; в Материалах Срезневского (т. 3, 683) отмечены значения: 1) 'соглашение, соумышление', 2) 'сочетание', 3) 'общее, связь'. Поэтому его и отклонил переводчик. Однокорневые слова *обрядь*, *порядь*, *рядь*, *урядь* в X—XI вв. имели значения 'договор', 'договор, не отраженный на письме, устный договор', 'условие, уговор' (Материалы Срезневского, т. 2, 556, 1225; т. 3, 234, 1263). По-видимому, они не употреблялись в значении 'договорная грамота, письменный документ (о мире)', что не позволяло переводчику использовать их для обозначения письменного официального документа (переводчик не смог подобрать более точного слова [32, с. 50]. *Съвещание* же, согласно данным Материалов Срезневского (т. 3, 683—684), заключало в себе зна-

чения: 1) 'собеседование, совещание', 2) 'согласие, единомыслие', 3) 'связь, союз', 4) 'соизволение', 5) 'завет', 6) 'указание, совет', 7) 'завещание', 8) 'договор, договорная грамота'. Последнее значение И. И. Срезневский иллюстрирует примерами только из договоров Руси с греками X в. Возможно, что это высокое назначение документа и дало право переводчику обозначить договор, договорную грамоту не совсем подходящим для данного случая словом *съвещание* [61, с. 134—146].

Неточность перевода можно объяснить и тем, что переводчик, по-видимому, спутал два близкозвучащих греческих слова *συμβολή* 'соглашение' и *συμβούλη* 'совещание' или *συμβολαίον* 'договор' и *συμβούλιον* 'совещание' (Дюканж 1, т. 2, 1476). Вместо русских слов *рядъ, порядъ, урядъ* он выбрал *съвещание*, которому в греческом языке соответствовало слово, близкое по звучанию к слову со значением 'договор'. Возможно и то, что переводчик намеренно употребил слово *съвещание*, так как, видимо, в самом греческом языке некоторые слова со значениями 'договор, соглашение' и 'совещание, совместное обсуждение, в результате которого приходят к совместному соглашению' были взаимозаменяемы и употреблялись одно вместо другого в ряде контекстов: ср., например, глаголы *συμβάλλο* 'договориться, прийти к соглашению' и *συμβουλεύο* 'договариваться, приходить к соглашению'; кроме значения 'советовать-ся, совещаться' (Др.-греч.-русский словарь, т. 2, 1530, 1532).

То, что *съвещание* в исследуемых памятниках имеет значение 'договор, договорная грамота', в известной мере подтверждается сочетаемостью, с одной стороны, с прилагательным *правый* 'неизменный, верный', с другой — с глаголом *написахомъ*: а) Яко же кляхъся ко црмъ гречьским и со мною бояре и Русь вся да схранимъ правая съвещанья (Л, 971, 73). Ср. также и такой пример: Ажь любишь с нами рядъ правый ('договор верный, неизменный') и в любви с нами быти, то мы любви не бегаем (Ип, 1196 — цит. по Материалам Срезневского, т. 2, 1353); б) Мы же съвещаньемъ (в Ип — свещание) все написахомъ на двою харатью (945 г.)⁵. Сказанное дает основание понимать это слово *съвещание* как 'договор'. Заметим, кстати: А. А. Зимин [51, с. 10, 14, 40, 60] переводит *съвещание* в грамотах 912, 945 и 971 гг. только словом *договор*.

В дальнейшем *съвещание* не употребляется в анализируемом значении. Впрочем, насколько позволяет судить контекст, его можно видеть как окказиональное в „Списке с договора, заключенного польским послом с турками 1698 г.“: Артикул 11-й. Которые способы и заключения, в прошедших договорах списанная и содержимая, никакo же противятся ныне заключенным сове-

щениям, ниже противна суть свободным и вечным правам обоих государств, да и по сих да почитают и соблюдают, а яже противоборна суть, да и истребятся и уничтожатся (ДР9, 1698, 429). Словари XVII—XX вв. не отмечают в слове *совещание* значения 'договор'.

Попутно охарактеризуем прилагательное — определение *другии* при существительном *съвещание*. Н. Лавровский понимал его как перевод греческого *ἑτερος* ('*етеров*') — 'другой, иной'. „Равно другаго съвещания“ может иметь единственно следующий смысл: 'список' (или даже 'подлинник') с другой договорной грамоты [32, с. 52]. И. И. Срезневский (Материалы, т. 1, 728) толкует *другии* как 'дружественный', приводя соответствия греческого языка: не *етеров*, а '*εἰαῖρος*, '*εταρεῖος*, φίλος. А. А. Шахматов считает более правильным предположение И. И. Срезневского: "... Наши договоры назывались дружественными совещаниями... Славянский переводчик вместо *εταῖρος* (*εταρικών*, *εταρεῖων*) прочел *ετερος* (тождественное по произношению с *εταῖρος*) и передал это через *другаго*" [78, с. 390]. Трудно доказать, что в греческом подлиннике договора стояло то слово, которое предполагает И. И. Срезневский, а вслед за ним и А. А. Шахматов (тем более, что это значение слова *другии* он связывает только с текстами договоров). И все-таки, по-видимому, в догадке И. И. Срезневского есть смысл; ср. договор 912 г. (перевод): список (подлинник) дружественной грамоты и список (подлинник) другой грамоты (по Н. Лавровскому) — речь идет не о какой-то другой грамоте, а о подлиннике (русском экземпляре) этой же договорной грамоты.

Написание. В договоре Олега от 912 г. употребляются слова *писаніе, написаніе*: Наша светлость боле инех хотящихъ еже о бзе удержати (Ип) известити такую любовь бывшую межи хрестьяны и Ру(с)ю. многажды право судихомъ но то(ч)ю просто словеснъ и писанием и клятвою твердою кленше(с) оружием своим. такую любовь утвердити и известити, по вере по закону нашему (Л по Р, 912, 33); (Но) подшимся елико по силе. на сохранение прочих. и всегда лет с вами грекы. исповеданием и написанием со клятвою, извещаемою любовь непревратну и непостыжму (Л по Р, 912, 33—34); На утверженья ж (и — Ип) неподвижные быти меже вами хр(с)тъяны и Ру(с)ю бывшии миръ сотворихом Ивановым написанием /в А — писаниемъ/ на двою харатью... И таковое написание дахом црства наше (г) на утвержение обоему пребывати. таковому совещанию на утвержение и на извещение. межи вами бывающа(г) мира (Л по Р, 912, 37).

По мнению Н. Лавровского, это слово соответствует греческому *υπατάστα*: „Как официальное слово *συνβόλαιον* переводчик

переделал в свещание..., так и *ураццата* (или *'апоурацт'* в том же смысле) он буквально перевел словом *написание*" [32, с. 120—121]. Он полагает, что „написание однородно со словом *свещание*, с тем только различием, кажется, что первое есть общее, а второе — частное название". С. П. Обнорский, однако, считает, что *свещанье* употреблено в значении 'договор' — *συμβολαιον*, а *написание*, *писание* в значении 'грамота' — *то ураццата* [49, с. 112]. Касаясь значения слова *грамота* в договоре 945 г., он пишет, что в соответствии с этим словом „договор 912 г. употребляет слово *написание* или *писание*" [49, с. 114]. В поддержку мнения С. П. Обнорского высказался А. С. Львов: „Более вероятно, что нерусский переводчик, следуя установившейся практике, греч. *то ураццата* или *та ураццата* передал славянским *писание*. Эта калька характерна для восточноболгарских книжников Симеоновской школы" [41, с. 91].

Итак, калька *писание* (*написание*) — это обозначение письменного акта договора, именуемого *съвещанием* (ср. поздние наименования международного соглашения *докончание* (с XIII в.), договор (с XVI в.) и обозначения соответственно письменных актов *докончальная грамота*, *договорная грамота*). Так понимает *писание* (написание) и А. А. Зимин [51, с. 11, 14, 15, 24].

Харатия. В договорах с греками отмечается 9 случаев (912 г. — 1, 945 г. — 7, 971 г. — 1) употребления греческого по происхождению слова *харатия*⁶ в значениях: письменный акт договора, договорная грамота на пергаменте; (письменный) экземпляр договора: 1. Мы же велико насъ хр(с)тлси есмы. кляхомъоя црквю стго Илье въ сборнеи цркви. и подлежащемъ ч(с)тнь кр(с)тмъ и харатьею сею. хранити все. еже есть написано на неи. не преступити о(т) него ничтоже (Л, 945, 52); Аще ли же кто о(т) князь или о(т) (людии) руских ли хе(с)анъ или не хе(с)анъ (крещень или не крещень). преступить се еже есть писано на харатыи сеи, будеть достоинъ своимъ оружьемъ умрети. и да будетъ клять о(т) ба и о(т) Перуна. яко преступи свою клятву (Л, 945, 53); А (В Ип — не) крщнь Русь полагають щиты своя и мече свое наги. обруче свое и оружья. да кленутся с всемъ аже суть написана на харатыи сеи. ранили о(т) Игоря и о(т) всехъ боляръ и о(т) все(х) людии. о(т) страны руския и прочая лета... (Л, 945, 53); Се же имейте во истину яко же створи(т) ныне вамъ написахомъ на харатыи сеи. и своими печатями запечатахомъ (Л, 971, 73). 2. На утверждение ж (В Ип — и) неподвижные быти. меже вами хр(с)тъанъ и Ру(с)ю бывшии миръ сотворихом. Ивановымъ написаниемъ на двою харатью цря вашего и своею рукою. подлежащимъ ч(с)тнымъ кртмъ и стою единосущною трцею едино(г) истина(г) бга наше(г) извести и дать наши(м) посло(м) (Л по Р, 912, 37);

Мы же съвещаньемъ все написахомъ. на двои харатью. и едина харатья есть у цр(с)тва нашего (на ней же е(с) кр(с)тъ и имена наша написана. а на другои послы ваша и гости ваша) (Л, 945, 52).

В значении 'пергамен, кожа для письма' (для написания грамоты), а также 'письмо, грамота' оно отражено не только в летописях, но и в других памятниках письменности церковного и светского характера (Материалы Срезневского, т. 3, 1361—1362): Роман же созва боляре и сановники. приведошаруския слы и велеша глти. псати обоихъ речи на харатье (Л, 945, 46); Царь же радъ бы(с) повеле писцю писати вся речи Стославле на ха(ра)тью (Л, 971, 72); и написа грамоту на тои харатьи (Сим, 1377, 124; Н4, 485; МЛС, 198; Тип, 140; Тв, 440). Харатья отмечается в дипломатических памятниках: А се такову грамоту докончальную послал кн. великой с Юрьем с Греком да с Васильем съ Кулешиным к Максимьяну королю за золотою печатью. а писана на харатье (ДР1, 1490, 37; ДП1, 1495, 187); А боляре велели писати грамоту государево слово на харатью ж (ДП4, 1601, 54).

Слово *харатья* с пометой „старинное“ находим в Слосаре 1847 (т. 4, 397): „Харатья. Стар. То же, что хартия в первом значении“ („Хартия. 1. Папир, пергамен и все, на чем древние писали. 2. Древняя рукопись на папире“). Вариант *хартия* использует А. С. Пушкин: „Лимен. Засветит он, как я, свою лампаду — и, пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет“ („Борис Годунов“). Слово *хартия* используется в названиях некоторых документов большого общественно-политического значения. Ср.: Великая хартия вольностей в Англии (англ. charter); Заголовок статьи „Хартия развитого социализма“, — реч' идет о проекте новой Конституции СССР [55, 15.06.77].

Понятие „торжественное провозглашение принципов в той или иной области политики или международных отношений“ в дипломатической практике также обозначается словом хартия. Ср.: Атлантическая хартия. В советском заявлении использовано наименование *декларация*. Сам документ опубликован под двойным наименованием: Англо-американская декларация (Атлантическая хартия). По инициативе правительства США такое наименование носит английский текст Устава ООН, а также Устав Организации американских государств: „Вспомним, как появился на свет Устав ООН, эта общепризнанная хартия норм, которые должны регулировать отношения между государствами“ [55, 03.10.82]. Ср. также: „...руководящие деятели двух стран (Сирии и Ирака) разработали хартию совместных действий в политической, военной, экономической и других областях“ [55, 29.10.78]; „...общеевропейское совещание увенчалось принятием руководителями 35 стран хельсинского Заключительного

акта — хартии европейского мира и безопасности, долговременной программы сотрудничества на благо всех европейских народов" [55, 16.05.80]; „Египет и Судан договорились об интеграции в политической, социально-экономической и военной областях. Договоренность оформлена в виде хартии, которую подписали в Хартуме президент АРЕ Х. Мубарак и президент Судана Д. Нимейри" [55, 17.10.82].

Равно. Слово *равно* употреблено во вступительной части договоров 912, 945, 971 гг.: *Равно* другаго свещанія бывша(г) при те(х) же црьхъ Лва и Александра (Л по Р, 912, 32); *Равно* другаго свещанья. бывшаго при цри Романе и Костянтинѣ и Стефанѣ (Л, 945, 46); *Равно* другаго свещанья бывшаго при Стославе велицѣмъ князи русѣмъ и при Свенальде писано при Фефеле синкеле и к Ивану. нарицаемому Цемьскию црю грѣцскому в Дерестре мѣца июля индикта въ 14. в ле(т) 6479 (Л, 971, 72).

Этому слову в научной литературе уделено достаточно внимания. До второй половины XIX в. *равно* в приведенном выражении обыкновенно объяснялось как 'наравне, согласно' или 'на основании' [78, с. 390; 66, с. 89] „по общепринятому объяснению оно почитается скорее за наречие" [32, с. 40]. Но затем почти все историки, историки-юристы, языковеды стали придерживаться толкования *равно*, предложенного в 1853 г. Н. Лавровским [61, 49]. Считая выражение *равно другаго свещанія* греческого происхождения, Н. Лавровский замечает что, во-первых, слово *равно* употреблено как существительное, управляющее родительным падежом; во-вторых, „это существительное употреблено независимо, отдельно, без всякой связи с предыдущими и последующими выражениями, так что невольно представляется каким-то техническим термином, общеупотребительным, общеизвестным на дипломатическом, или вообще юридическом языке" [32, с. 40]. Н. Лавровский на основании целого ряда соображений, подкреплённых цитатами и примерами из произведений византийской письменности и их славянских переводов, пришел к выводу, что слово *равно* есть перевод греческого *το ισον*, имевшего значение 'копии, списка' с какой-либо грамоты, буквально соответствовавшего оригиналу относительно самого содержания [32, с. 37—48]. Особенность формы слова *равно* обязана единственно буквальному переводу, а может быть и тому, что сам переводчик не понимал надлежащим образом всего рассматриваемого нами выражения [32, с. 40]; т. е., как заметил А. А. Шахматов, Н. Лавровский объяснил, что *равно* есть неудачный перевод греческого юридического термина *το ισον*, означавшего 'копию, список', а также вообще 'экземпляр' [78, с. 389; 65, с. 97]. И. И. Срезневский в статье „О договорах

князя Олега с греками" [69, с. 313] пишет: „Равно — прилагательное среднего рода: *το ἴσον*, *paricula*, *charta*, *coria*, противень. Вероятно, и эта грамота была только списком с греческого подлинника". В Материалах Срезневского (т. 3, с. 9—10) находим это слово под заголовочной статьей: „*Равьныи* — 'сходный, подобный; равный' (равное, равная) — 'копия, список' (пер. с греч. *ἴσον*)"; приводятся примеры не только из указанных договоров, но и из других памятников: семь примеров из „Кормчей книги Ефремовской", написанной ок. 1100 г., и „Христианской топографии Козмы Индикоплова" по списку Синодальному и Болотовскому. Причем в первом памятнике это слово употребляется в полной форме: *равьная*, *равьное*, *равьнымъ*. Вот некоторые примеры из „Кормчей": *Равьная по писаныимъ принести (τὰ ἴσα, exemplaria)*, *Начинается равьное Никеискааго събора (τὰ ἴσα, exemplaria)*, *Изветъствовати намъ гръкомъ равьнымъ истиннымъ быти в гръцехъ Никеискааго съвѣкупивъшаагося събора (τὰ ἴσα, exemplaria)*; из Христианской топографии: *Прияти равно тому писанию (τὰ ἴσα)*.

В заключение словарной статьи, сославшись на исследование Н. Лавровского, И. И. Срезневский приводит для сравнения цитату на греческом языке из сочинения Константина Порфирородного, в которой употреблено слово *ἴσον* со значением, как полагает ученый, 'список, экземпляр'.

Г. М. Барац не соглашается с толкованием, содержащимся в работе Н. Лавровского, и предлагает свое. Используя часто практикуемый им прием исправления текста, он полагает, что в основной рукописи „заглавие" договора 912 г. начиналось словом *равнодрузъ*, построенным наподобие сложных слов *равноангель*, *равноапостоль*, и означающим 'список, экземпляр': „Конечная буква г была написана над строкою. Но переписчик, не поняв смысла этого речения и приняв вынесенную над строкою букву г за сокращенное окончание косвенного падежа, написал вместо одного слова *равнодрузъ* два отдельных слова *равно другаго*, согласовав последнее в падеже с соседним *съвещания*" [9, с. 43—49]. Слово *равно*, отмечает Г. М. Барац, как имя существительное нигде в русской письменности не встречается [9, с. 49]. Следует сказать, что хоть такая реконструкция текста договора интересна, с нею согласиться нельзя: примеры из договоров и других памятников не дают основания рассматривать подобным образом анализируемое нами слово⁷.

Н. Лавровский пишет: „На современном договорам византийском языке мы находим слово, буквально соответствующее нашему *равно* и имевшее свое особенное официальное значение. Это слово есть *το ἴσον*" [32, с. 40]⁸. Обратимся к данным слова-

рей. В прибавлении („Appendix“) к среднегреческому словарю Дюканжа 1 (с. 85) находим: „ἴσον. Graecis recentioribus est quod veteribus ἀντίγραφον, simile quodvis scripti exemplar; примеров словарь не приводит, но отсылает к однокоренному с то ἴσον слову Paricula: „Vide Glossar. med. lat. in Paricla“; ἴσον у поздних греков есть то, что у древних (есть) переписанное, любой сходный образец написанного“. Равное, равная бумага (лист), образец листа (с текстом)“. В словаре среднелатинского языка Дюканж 2 (т. 5, с. 97) читаем: „Paricula charta, exemplum chartae, ἴσοτοπον, ἴσον, charta pari tenore scripta ab archetypo expressa“. Правда, следует сказать, что ни Древне-греческо-русский словарь (т. 1, с. 835), ни Новогреческо-русский (с. 322) не фиксируют в слове ἴσον значения 'копия, экземпляр, список' и т. п. Не переведены греческим словом ἴσον следующие слова: *копия, экземпляр, список, оригинал, подлинник, подлинная рукопись*, например, в „Русско-греческом словаре“ И. Синайского, а в Лексиконе Поликарпова — слова *список, подлинный* (слова же *копия, экземпляр, оригинал* не зарегистрированы). Можно предположить, что в греческом оригинале договора на месте древнерусского эквивалента (старославянизма) *равно* не стояло слово ἴσον, означавшее список, копия, так как оба текста договора — греческий и русский — не считались копиями или списками, а „равнооригиналами“, имевшими одинаковую юридическую силу. (Из практики заключения мирных договоров Греции с другими странами или городами явствует, что тексты договоров изготовлялись в двух экземплярах: на греческом языке и языке народа, с которым велись переговоры, — и ни один из таких текстов не считался списком или копией). С Н. Лавровским можно согласиться в том, что в греческом оригинале стояло именно слово ἴσον. Как предполагают ученые (напр., М. И. Корнеева-Петрулан) [29, с. 176—177], перед переводчиком вступительной части договора, изготовленной греками, которые накопили уже большой опыт в деле заключения письменных договоров, стояла трудная задача: как перевести слово ἴσον, имевшее в греческом языке значения: 1) 'тождество, равенство'; 2) 'равное, то же самое, одно и то же'; 'лист, написанный равным образом, переписанный с начального образца'; 3) 'равное расстояние'; 4) 'ровное место, равнина'; 5) 'справедливость' (см. Др.-греч.-русский словарь, с. 835). Выход был один: скалькировать греческое слово. Русским эквивалентом было *равно, равное*, до этого не употреблявшееся в значении 'экземпляр'. Переводчик буквально и перевел это греческое слово прилагательным *равно*, которое стало в данном контексте субстантивированным, управляющим родительным падежом существительного *съвещание*.

Таким образом, в древнерусском языке появилась „вынужденная” семантическая калька; по терминологии Ю. С. Сорокина [68, с. 165–166], произошел процесс „семантической индукции”: не просто буквальный перевод словом одного языка слова другого языка, но и воздействие семантики иноязычного слова на семантику слова заимствующего языка. У слова *равно* появилось юридическое значение ‘экземпляр’. (Слово *равно(е)* в русском языке и *ῥῶον* в греческом имели одинаковые прямые значения — ‘то же самое, одно и то же, тождественное’. Но в греческом *ῥῶον* имело значение ‘лист (грамота), написанный равным образом, переписанное с начального образца, экземпляр, копия’ и т. п. Это значение и было придано русскому слову *равно*. Следовательно, перевод слова можно считать удачным, если не с точки зрения терминологической, то с точки зрения полного соответствия слову в греческом тексте. Поэтому начало вступительной статьи упомянутых договоров можно переводить так: „тождественный (равный) греческому русский текст дружественного договора” или „равный греческому русский экземпляр (русский подлинник) дружественного договора”; (ср. у А. А. Зимина [51, с. 10, 15]: „Список с другого экземпляра договора”). Что касается дальнейшей судьбы слова *равно*, то надо сказать, что проследить ее не представляется возможным, так как оно засвидетельствовано в договорах и в указанных выше двух других памятниках XI в.

Пинехроса (пинехруса). В договоре 971 г., внесенном в Московский летописный свод конца XV в., Новгородскую 4-ю, Никоновскую летопись, Летопись Авраамки, Софийскую 1-ю летопись по 7 спискам XV–XVII вв., употреблено слово *пинехруса*, (*пинехроса*, *пинехросус*). В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях оно отсутствует: Аще ли отъ техъ преждереченныхъ не съхранимъ азъ же, съ мною и подо мною, да имеемъ клятву отъ бога, в негоже веруемъ, в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ злате яко злато, и своимъ оружиемъ сечени будемъ. Се же имейте въ истинну, якоже пинехросу сътвори хъ ныне к вамъ, и написахомъ на хоратыи сеи и своими печатъми запеча(ча)тлехомъ (НЧ, 971, 51). В МЛС по Эрмитажному списку XVIII в. — пинехросусъ (с. 356); в ЛАВ — пинехросусъ (с. 64); в Ник I — пинехросу (с. 38). В Уваровском списке из собрания И. Н. Царского — пынехрису, в котором *хру* написано по стертому.

В предметном указателе МЛС (с. 457) отмечено, что *пинехросус* — греческое слово, „точное значение неизв(естно), золотые знаки (?); ср. печати златы”. В предметном указателе Летописи Авраамки (с. 64) дано: „Пинехруса — золотая гра(л)та”. Н. М. Карамзин в „Истории государства Российского” пишет:

„Татищев изъясняет, что *пинехруса* на греческом языке означает 'письменное' или 'твердое обязательство'. Слово без сомнения греческое и состоит, кажется, из *πινα* и *χρυση* (златая). Известны слова *πινακιον*, *πινακις*, доска для письма... Грамота с печатью золотою называлась *βουλλα χρυση*; не то ли же значила и *πιναχρυση*?" [26, с. 115]⁹. Г. М. Барац полагает, что пригодным здесь греческим выражением представляется именно *πιναξ χρυσοῦς*, причем *πιναξ* употреблено в значении оглавления..., „так что трактуемое выражение значит: златоцветный указатель (глав договора), что соответствует выражению 'киноварное написание', в котором последнее слово означает не грамоту, а надпись, заголовок" [9, с. 249]. И. И. Срезневский и С. П. Обнорский не рассматривали этого слова [49; 69]; не внесено оно И. И. Срезневским в „Материалы для словаря древнерусского языка", нет его и в Материалах Кочина.

В. М. Истрин высказал предположение, что *пинехруса* есть неверный перевод греч. *πινακιον*, прочтенного ошибочно вместо *πινακιον* (собственно доска для письма): переводчик понял слово *πινακιον*, как сложное, и первую часть оставил без перевода, а вторую *ακιον* передал через *хруша* (груша). Летописное чтение *пинехруса* есть уже поправленное или просто машинально написанное *пинехрушу* [25, с. 389–390]. В „Памятниках русского права" [51, вып. 1, 60, 62, 68] *пинехроса* переводится как 'дощечка для письма': „Не сомневайтесь в правде того, что ныне изображали на золотой дощечке, написали на этой хартии..." Нам также представляется, что это искаженное греческое сложное слово, состоявшее из *πινα* — 'доска, дощечка для записей' и *χρῦσοῦς*, *χρυσεος*, *χρυσιος* (*χρῦσος*) — 'золотой, отделанный (блистающий, сияющий) золотом, позолоченный', т. е. *πιναξ* + *χρῦσος* — пин(е) + хруса есть 'дощечка золотая, покрытая золотом для письма' (Др.-греч.-русский словарь, т. 2, с. 1317, 1788–1790).

Итак, в договорах русских с греками X в. употреблялись следующие слова, связанные с понятием *международное соглашение*: кальки *съвещание* — 'договор'; *написание* — 'письменный акт договора-свещения'; *равно* — 'аутентичный (греческому русский) текст (экземпляр) договора'; неперевоенные грецизмы; *харатья* — 1) 'письменный акт договора (договорная грамота)', 2) 'экземпляр договора', *пинехруса* (*пинехроса*). Ни один из этих терминов в последующее время не стал достоянием дипломатического словаря. Вероятно, это объясняется тем, что в период удельных князей дипломатические сношения носили в основном межкняжеский характер, в период татарского ига (особенно первое время) ограничивались в основном Золотой